

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

П. В. ТАВАНЕЦ

СУЖДЕНИЕ
И ЕГО ВИДЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

тор при рассмотрении сужде-

же освещение вопросов логики
адную борьбу против различ-
й логики.

тоящей работе некоторые во-
месте с тем подвергает крити-
равильные взгляды по вопро-
дов.

работе уделяется критике кан-
ний суждения, а также таким
кантианства и субъективного
отношений», «логический по-
изм» и т. п.

руководствовался указанием
софской дискуссии 1947 г. го-

и быть раскритикованы фило-
ие, несмотря на свою реакци-
ые ныне врагами марксизма.
еокантианство, теология, ста-
изма, попытки контрабандой
тествознание и всякую другую
ать и подкрасить на потребу
ий товар»³.

на дискуссии по книге Г. Ф. Але-
ой философии». Госполитиздат, 1952,

Глава I

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СУЖДЕНИЯ

Логика изучает формы мышления, абстрагируясь от заклю-
ченного в них конкретного содержания. Логике интересуют не
конкретное содержание *данного* понятия, суждения, умозаклю-
чения, а то общее, что присуще всякому понятию, суждению
или умозаключению *определенного вида*, то общее, что присуще
всякому виду понятия, суждения или умозаключения и, нако-
нец, то общее, что присуще *всякой форме мышления вообще*.

В этом отношении логика имеет сходство с грамматикой,
которую И. В. Сталин характеризует такими чертами:

«Отличительная черта грамматики состоит в том, что она
даёт правила об изменении слов, имея в виду не конкретные
слова, а вообще слова без какой-либо конкретности; она даёт
правила для составления предложений, имея в виду не какие-
либо конкретные предложения, скажем, конкретное подлежа-
щее, конкретное сказуемое и т. п., а вообще всякие предложе-
ния, безотносительно к конкретной форме того или иного пред-
ложения. Следовательно, абстрагируясь от частного и конкрет-
ного, как в словах, так и в предложениях, грамматика берёт
то общее, что лежит в основе изменений слов и сочетаний слов
в предложениях, и строит из него грамматические правила,
грамматические законы. Грамматика есть результат длитель-
ной, абстрагирующей работы человеческого мышления, показате-
ль громадных успехов мышления»⁴.

В данной главе мы, абстрагируясь от частного и конкрет-
ного, рассмотрим те черты суждения, которые присущи всякому
суждению. Иначе говоря, в данной главе мы рассмотрим
суждение как: 1) утверждение или отрицание чего-либо о чем-
либо; 2) мысль, которая может быть либо истинной, либо
ложной; 3) мысль, которая всегда выражается в предложении.

⁴ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат,
1952, стр. 24.

§ 1. СУЖДЕНИЕ КАК УТВЕРЖДЕНИЕ ИЛИ ОТРИЦАНИЕ ЧЕГО-ЛИБО О ЧЕМ-ЛИБО

На протяжении всей истории логики наибольшей популярностью и почти всеобщим признанием пользуется определение суждения как утверждения или отрицания чего-либо о чем-либо. Это определение (данное еще Аристотелем)⁵ находит себе признание среди логиков самых различных философских направлений.

Чем объяснить столь широкую популярность аристотелевского определения суждения?

Для объяснения этого факта прежде всего напрашивается то соображение, что указанный в аристотелевском определении признак суждения (утверждение или отрицание чего-либо о чем-либо) правильно характеризует всякое суждение. Однако, хотя это соображение является безусловно верным, все же одного этого соображения недостаточно для объяснения столь широкой популярности аристотелевского определения суждения.

Дело в том, что это определение, отображая основной признак суждения, все же недостаточно для понимания природы суждения. Поэтому его принимают не только материалисты, но и идеалисты.

В самом деле, ведь в этом определении нет никаких указаний ни в отношении природы того, *о чем* мы утверждаем или отрицаем что-либо, ни в отношении природы того, *что* мы утверждаем или отрицаем о чем-либо.

Различные ответы на эти вопросы как раз и обуславливают собою различное понимание природы суждения.

Рассмотрим вкратце важнейшие из них.

А. Истолкование суждения как сочетания слов

Представители номиналистической логики рассматривают логику как науку о языке. «Логика,— говорит английский номиналист Р. Уэтли,— имеет дело только с языком. Язык вообще, для какой бы цели он ни служил, составляет предмет грамматики, язык же, насколько он служит средством... для умозаключения, составляет предмет логики»⁶.

Исходя из такого понимания предмета логики, номиналисты отождествляют суждение с предложением. Для них суж-

⁵ См. Аристотель. Аналитики первая и вторая. Госполитиздат, 1952, стр. 9.

⁶ Р. Уэтли. Основания логики. СПб., 1873, стр. 110—111.

дение это сочетание слов или номиналист Гоббс,— есть слово двух, связанных между собой

Таким образом, согласно или утверждаем (или отрицаем) имена; то, что мы утверждаем или отрицаем, есть определенная связь этих имен

Такое истолкование природы суждения. Конечно, всякое суждение есть предложение. Однако предложение есть то, что утверждается, а не само суждение.

Акт суждения направлен на части предложения, а не на предложение само по себе.

Неправильное мнение о том, что слова и что слова и есть суждение, отрицается в суждении, создается истолкованием природы суждения

Ярким примером истолкования природы суждения служит писание представителем философии.

У средневековых номиналистов сохраняло известную логику признавали, что имен существующие тела⁸.

Современные номиналисты связывают предложение и языка

Утверждая, что логика номиналисты под языком разумеют язык, а особый искусственный язык.

Обычному человеческому языку, нельзя доверять потому что «язык»⁹, т. е. к признанию истинно существующие вещи

Чтобы построить «новую метафизику» (т. е. от материализма семантиков, создать «но-

⁷ Томас Гоббс. Избр. соч.

⁸ «Предложение,— говорит Гоббс,— стоящее из двух, связанных между собой говорящий хочет выразить тем же самой вещи, которую он утверждает» (Томас Гоббс. Избр. соч., 1906, стр. 100).

⁹ «Логика,— говорит Б. Рассел,— говорящая языку, ведет к ложной метафизике» (Contemporary British Philosophy).

СУЖДЕНИЕ ИЛИ ОТРИЦАНИЕ ЧЕГО-ЛИБО

логики наибольшей популярностью пользуется определение отрицания чего-либо о чем-либо (Аристотелем)⁵ находит себе различных философских на-

популярность аристотелев-

прежде всего напрашивается аристотелевском определении или отрицание чего-либо о чем-либо. Однако, безусловно верным, все же не является для объяснения столь сложного определения сужде-

не, отображая основной принцип для понимания природы суждения, от не только материалисты,

определении нет никаких указаний, о чем мы утверждаем или отрицаем в отношении природы того, что мы отрицаем.

осы как раз и обуславливаются природой суждения. Среди них.

как сочетания слов

логики рассматривают суждение, — говорит английский философ, — только с языком. Язык во всем и послужил, составляет предмет логики, он служит средством... для изучения логики»⁶.

предмета логики, номиналистическим предложением. Для них суж-

первая и вторая. Госполитиздат, 1973, стр. 110—111.

дение это сочетание слов или имен. «Предложение, — говорит номиналист Гоббс, — есть словесное выражение, состоящее из двух, связанных между собой связкой имен...»⁷.

Таким образом, согласно номиналистам, то, о чем мы что-либо утверждаем (или отрицаем) в суждении, есть слова или имена; то, что мы утверждаем (или отрицаем) в суждении, есть определенная связь этих слов.

Такое истолкование природы суждения неправильно.

Конечно, всякое суждение выражается в предложении. Однако предложение есть только языковая оболочка суждения, а не само суждение.

Акт суждения направлен не на слова, которые являются частями предложения, а на нечто существующее вне и независимо от предложения.

Неправильное мнение о том, что акт суждения направлен на слова и что слова и есть то, о чем нечто утверждается или отрицается в суждении, создает возможность для идеалистического истолкования природы суждения.

Ярким примером использования этой возможности могут служить писания представителей современной семантической философии.

У средневековых номиналистов, а также у Гоббса, предложение сохраняло известную связь с бытием, поскольку эти логики признавали, что имена обозначают действительно существующие тела⁸.

Современные номиналисты уже совершенно порывают эту связь предложения и языка вообще с бытием.

Утверждая, что логика есть наука о языке, современные номиналисты под языком разумеют не обычный человеческий язык, а особый искусственный, специально придуманный ими язык.

Обычному человеческому языку, по мнению неониналистов, нельзя доверять потому, что он ведет к «ложной метафизике»⁹, т. е. к признанию того, что слова обозначают объективно существующие вещи и явления.

Чтобы построить «новую логику», свободную от «ложной метафизики» (т. е. от материализма. — П. Т.), нужно, по мнению семантиков, создать «новую форму языка».

⁷ Томас Гоббс. Избр. соч., ГИЗ, 1926, стр. 23.

⁸ «Предложение, — говорит Гоббс, — есть словесное выражение, состоящее из двух, связанных между собой связкой, имен, посредством которой говорящий хочет выразить, что он и второе имя понимает как имя той же самой вещи, которая обозначается и первым именем...» (Томас Гоббс. Избр. соч., 1926, стр. 23).

⁹ «Логика, — говорит Б. Рассел, — хоть в малейшей степени доверяющая языку, ведет к ложной метафизике» (B. Russell. Logical Atomist. «Contemporary British Philosophy» (first series), 1925, стр. 367.

Однако для того чтобы «новая форма языка» могла заменить собою старую аристотелевскую логику, прежде всего необходимо, говорят семантики, отказаться от той точки зрения, будто может существовать только одна «истинная логика».

Если в логике до сих пор все еще придерживаются материалистической (аристотелевской) теории, то причина этого, по мнению неонеоминималиста Р. Карнапа, заключается в «широко распространенной точке зрения», что «отклонение» от классической логики нужно «оправдать», т. е. доказать, что новая форма языка передает «истинную логику». Карнап отказывается от такого «устарелого» взгляда на логику. В своей книге «Логический синтаксис языка» он заявляет, что «...теперь, наконец, это препятствие (т. е. требование, чтобы логическая теория передавала «истинную логику». — П. Т.) преодолено, и перед нами простирается открытый океан неограниченных возможностей»¹⁰.

Что же означают эти «неограниченные возможности»? Оказывается, что эти «неограниченные возможности» означают «произвольное изобретение всевозможных видов языков» (а, следовательно, логик. — П. Т.).

«В логике, — вещает этот идеологический прислужник Уолл-стрита, — нет морали. Каждый имеет право построить свою собственную логику, т. е. свою форму языка, по произволу»¹¹.

Отрешившись от всякой морали, Карнап и пытается строить, в соответствии с социальным заказом империалистической буржуазии, субъективно-идеалистическую «теорию логики». Для этого он прежде всего требует устранения из языка (из логики) всех «универсальных» слов, т. е. слов, указующих на существование общего в объективной реальности¹² и на существование самой объективной реальности «за нашими ощущениями». Карнап требует также устранения так называемого «материального модуса речи», т. е. модуса, который «говорит об объектах, положении дел, о смысле, содержании и значении слов».

Употребление материального, т. е. обычного человеческого модуса речи ведет, по мнению Карнапа, к вопросам, обсужде-

¹⁰ R. Carnap. Logische Syntax der Sprache. Wien, 1934, стр. V.

¹¹ Там же, стр. 45.

¹² К числу «универсальных слов» Карнап относит такие слова, как «вещь», «объект», «свойство», «отношение», «факт», «условие», «процесс», «событие», «действие», «пространство», «точка», «пространственное отношение», «число», «целое», «функция», «агрегат», «класс» и многие другие. То, что мы вынуждены пользоваться такими словами, — это есть, говорит Карнап, лишь результат несовершенства языка слов. Однако, утешает далее Карнап, каждый язык можно переделать таким образом, что универсальные слова больше не будут в нем встречаться, и это произойдет без всяких жертв в отношении выразительности и сжатости.

ние которых создает неразрешимую проблему («парадокс» о том, что же предельно истинно. Противоположно, если мы откажемся от утверждения и будем применять модус речи, который имеет смысл, содержанию и знаменитым формам.

Правила этого формализма предложений», устанавливаются синтаксисом». Они устанавливаются.

Единственно, что требуется, чтобы они ничего не говорили о смысле сочетания сил

Логика должна говорить и порядках символов, из задачи логики — это «система правил, которые управляют действиями, вытекающими из этих

Нужно сказать, что в попытках уничтожить материальную форму языка». Подобного же рода Альфред Уайтхед¹³, Чарльз При этом все они против банкротствующую субъект что все человеческое знание «фикция». По мнению «реальности», кроме реальности, этому все попытки описания смысла.

«Ни одно положение, делящее за пределы всякого утверждает семантически никакого подлинного значения, кто стремится описать процессы производству бессмысленности

К этой давно разбитой сводится сущность всех Карнапа, Айера и других

¹³ См. A. Whitehead.

¹⁴ См. Ch. Morris. Foundations of Unified Science»,

¹⁵ Alfred S. Ayer. Language

ма языка» могла заме-
логику, прежде всего
ться от той точки зре-
дна «истинная логика».
идерживаются материа-
то причина этого, по
аключается в «широко
отклонение» от класси-
е. доказать, что новая
ику». Карнап отказы-
а логику. В своей книге
ляет, что «...теперь, на-
ние, чтобы логическая
— П. Т.) преодолено, и
океан неограниченных

ые возможности»? Ока-
озможности» означают
ых видов языков» (а,

ский прислужник Уолл-
право построить свою
зыка, по произволу»¹¹.
рнап и пытается стро-
ом империалистической
ую «теорию логики».
транения из языка (из
е. слов, указующих на
еальности¹² и на суще-
сти «за нашими ощуще-
ения так называемого
дуса, который «говорит
содержании и значении

обычного человеческого
а, к вопросам, обсужде-

ache. Wien, 1934, стр. V.

относит такие слова, как
факт», «условие», «процесс»,
», «пространственное отно-
», «класс» и многие другие.
словами,— это есть, говорит
ика слов. Однако, утешает
ть таким образом, что уни-
тречаться, и это произойдет
сти и сжатости.

ние которых создает неразрешимые трудности и противоречия, ибо при этом возникают бесконечные споры из-за «псевдо-проса» о том, что же представляет собой та или иная вещь в действительности. Противоречия якобы немедленно исчезнут, если мы откажемся от употребления материального модуса речи и будем применять единственно правильный формальный модус речи, который относится уже не к объектам, не к смыслу, содержанию и значению слов, а только к лингвистическим формам.

Правила этого формального модуса, т. е. «правила построения предложений», устанавливаются логикой или «логическим синтаксисом». Они устанавливаются «совершенно произвольно».

Единственно, что требует Карнап от этих правил, это чтобы они ничего не говорили ни о значении символов (слов), ни о смысле сочетания символов (предложений).

Логика должна говорить «просто и исключительно о видах и порядках символов, из которых составлены выражения». Задача логики — это «систематическое изложение формальных правил, которые управляют языком, а также развитие следствий, вытекающих из этих правил».

Нужно сказать, что Карнап не одинок в своих тщетных попытках уничтожить материализм в логике, путем «реформы языка». Подобного же рода попытки предпринимали также Альфред Уайтхед¹³, Чарльз Моррис¹⁴ и другие идеалисты. При этом все они противопоставляют материализму давно обанкротившуюся субъективно-идеалистическую идейку о том, что все человеческое знание об объективной реальности есть «фикция». По мнению этих мракобесов, никакой другой «реальности», кроме реальности наших ощущений, нет. Поэтому все попытки описать объективную реальность лишены смысла.

«Ни одно положение, относящееся к «реальности», выходящей за пределы всякого возможного чувственного опыта,— утверждает семантический идеалист Айер,— не может иметь никакого подлинного значения. Отсюда следует, что труды всех тех, кто стремится описать такого рода реальность, были посвящены производству бессмыслицы»¹⁵.

К этой давно разбитой материализмом скудной идейке и сводится сущность всех софистических ухищрений Рассела, Карнапа, Айера и других.

¹³ См. A. Whitehead. Process and Reality. 1941.

¹⁴ См. Ch. Morris. Foundations of the Theory of Signs. «Encyclopedia of Unified Science», Chicago, 1938.

¹⁵ Alfred S. Ayer. Language Truth and Logic. L., 1936, стр. 17.

Отождествление суждения с предложением нужно именно для того, чтобы протащить в теорию логики субъективно идеалистическое истолкование природы мышления и бытия.

Учение И. В. Сталина об объективном характере законов науки вскрывает полную несостоятельность измышлений семантиков о том, что каждый из нас может «строить свою собственную логику по произволу» и «совершенно произвольно устанавливать правила построения предложений».

И. В. Сталин, критикуя неправильную теорию, отрицавшую существование объективных закономерностей в экономической жизни при социализме, писал:

«Допустим, что мы стали на минутку на точку зрения неправильной теории, отрицающей существование объективных закономерностей в экономической жизни при социализме и провозглашающей возможность «создания» экономических законов, «преобразования» экономических законов. К чему это привело бы? Это привело бы к тому, что мы попали бы в царство хаоса и случайностей, мы очутились бы в рабской зависимости от этих случайностей, мы лишили бы себя возможности не то, что понять, а просто разобраться в этом хаосе случайностей.

Это привело бы к тому, что мы ликвидировали бы политическую экономию как науку, ибо *наука не может жить и развиваться без признания объективных закономерностей, без изучения этих закономерностей*»¹⁶.

Все сказанное здесь И. В. Сталиным относительно науки относится также и к логике. Логика также не может жить и развиваться без признания существования таких закономерностей процессов правильного мышления, которые не зависят от воли людей.

Если бы в мышлении не существовало таких закономерностей, которые не зависят от воли людей, то область мышления превратилась бы в царство хаоса и случайностей. Мы в этом случае лишили бы себя возможности не то что понять, а просто разобраться в этом хаосе случайностей. Семантики как раз и стремятся превратить логику в царство хаоса и случайностей. Под флагом борьбы со «скудостью содержания и практической бесполезностью аристотелевской логики»¹⁷ семантики фактически пытаются ликвидировать логику как науку.

В этом факте наглядно проявляется антинаучный, реакционный характер их изречений.

¹⁶ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР. Госполитиздат, 1952, стр. 85 (курсив наш.— П. Т.).

¹⁷ R. Carnap. Abriss der Logistik. Wien, 1929, стр. 1.

Б. Истолкование суждения (или

Значительная часть логики о чем мы нечто утверждаем представления (или понятия отрицаем в суждении, являясь между этими представлениями

Наиболее рельефно эта теория на у Канта и неокантианцев

Если номиналисты отождествляют, то Кант и неокантианцы. «Прежде чем у Канта,— я уже должен судить

По мнению Канта, суждений в сознании...»¹⁹ Это соединяется лишь тогда имеет необходимость представления подводятся под апериорития²⁰.

«Если разложить,— говорятские суждения, насколько они никогда не состоят из обыкновенно полагают, в суждение; они были бы невозможны созерцания понятиям не было дочное понятие, под которое таким образом связываются значения»²¹.

Таким образом, у Канта новления связи или отношения понятиями необходимо связываются всей действительности.

Предметы действительности

¹⁸ И. Кант. Логика. Пг., 1911.

¹⁹ И. Кант. Прологомены. Истолкования суждения мы находим пример, согласно В. Виндельбанда между двумя отдельными содержаниями дельбанд. Прелюдии. СПб., 1911.

²⁰ Под чисто рассудочными понятиями: единство, множественность, ограничение, субстанция, существование, необходимость (с

²¹ Что касается аналитических в отличие от синтетических суждений ходит на основании одного только Прологомены, стр. 69).

предложением нужно им
ть в теорию логики субъек-
ные природы мышления и

активным характере законов
тельность измышлений се-
с может «строить свою соб-
«совершенно произвольно
предложений».

льную теорию, отрицавшую
мерностей в экономической

мнутку на точку зрения не-
уществование объективных
жизни при социализме и
здания» экономических за-
ских законов. К чему это
7, что мы попали бы в цар-
ишили бы себя возможно-
обратиться в этом хаосе слу-

ликвидировали бы полити-
ука не может жить и раз-
ых закономерностей, без

иным относительно науки
и также не может жить и
вания таких закономерно-
ия, которые не зависят от

овало таких закономерно-
дей, то область мышления
случайностей. Мы в этом
не то что понять, а про-
остей. Семантики как раз
рство хаоса и случайно-
ью содержания и практи-
кой логики»¹⁷ семантики
логику как науку.

ся антинаучный, реакци-

ы социализма в СССР. Гос-
.).
п, 1929, стр. 1.

Б. Истолкование суждения как сочетания представлений (или понятий)

Значительная часть логиков-идеалистов считает, что то, *о чем* мы нечто утверждаем или отрицаем в суждении, есть представления (или понятия), а то, *что* мы утверждаем или отрицаем в суждении, является определенным отношением между этими представлениями (или понятиями).

Наиболее рельефно эта точка зрения на суждение выражена у Канта и неокантианцев.

Если номиналисты отождествляли суждение с предложением, то Кант и неокантианцы отрывают суждение от предложения. «Прежде чем я имею предложение,— говорит Кант,— я уже должен судить...»¹⁸

По мнению Канта, суждение есть «соединение представлений в сознании...»¹⁹ Это соединение представлений в сознании лишь тогда имеет необходимый характер, когда данные представления подводятся под априорные чисто рассудочные понятия²⁰.

«Если разложить,— говорит Кант,— все наши синтетические суждения, насколько они объективны, то окажется, что они никогда не состоят из одних созерцаний, связанных, как обыкновенно полагают, в суждение только через простое сравнение; они были бы невозможны, если бы к отвлеченным от созерцания понятиям не было присоединено еще чистое рассудочное понятие, под которое те понятия подводятся и только таким образом связываются в суждение, имеющее объективное значение»²¹.

Таким образом, у Канта истолкование суждения как установления связи или отношений между представлениями или понятиями необходимо связано с идеалистическим истолкованием всей действительности.

Предметы действительности для Канта это не «вещи сами по

¹⁸ И. Кант. Логика. Пг., 1915, стр. 101.

¹⁹ И. Кант. Прологомены. М., 1937, стр. 73. Подобного же рода истолкования суждения мы находим и в сочинениях неокантианцев. Например, согласно В. Виндельбанду, в суждении «устанавливается связь между двумя отдельными содержаниями представлений...» (см. В. Виндельбанд. Прелюдии. СПб., 1904, стр. 337).

²⁰ Под чисто рассудочными понятиями Кант подразумевает следующие понятия: единство, множественность, всеобщность, реальность, отрицание, ограничение, субстанция, причина, взаимодействие, возможность, существование, необходимость (см. Прологомены, стр. 71—72).

²¹ Что касается аналитических суждений, то в них, говорит Кант, в отличие от синтетических суждений, соединение представлений происходит на основании одного только рассудочного закона тождества (см. Прологомены, стр. 69).

себе», существующие независимо от нас, а также и не простые комплексы ощущений, как то полагал, например, Беркли.

По мнению Канта, предметы действительности — это результат синтеза чувственных данных рассудком. Этот синтез как раз и осуществляется в акте суждения.

Акт суждения, связывая представления (или «отвлеченные от созерцания понятия») отношением (в качестве которого выступают чисто рассудочные априорные категории), тем самым создает «объективный предмет» или «предмет опыта».

То, о чем нечто утверждается в суждении, есть, следовательно, представления. То, что утверждается в отношении этих представлений, есть определенное отношение (т. е. априорная чисто рассудочная категория).

Основной софизм кантианского истолкования природы суждения заключается в том, что суждение у кантианцев оказывается чисто субъективным образованием. То, о чем утверждается в суждении, и то, что утверждается, — одинаково субъективно.

Находящиеся вне суждения материальные предметы, или «вещи в себе», по мнению кантианцев, не могут быть предметами суждения, так как они непознаваемы.

Подобного же рода субъективно-идеалистическое истолкование природы суждения дают и неокантианцы²².

Отличие неокантианцев от Канта выражается лишь в том, что они вообще отказываются от признания существования материальной действительности, хотя бы и в виде непознаваемых «вещей в себе».

В. Истолкование суждения как отражения действительности

Правильное истолкование природы суждения как утверждения или отрицания чего-либо о чем-либо невозможно дать, если мы будем ограничиваться рассмотрением только языковой оболочки суждения.

Точно так же мы не сможем дать правильного истолкования природы суждения и тогда, когда ограничимся одним лишь анализом отношений между понятиями, являющимися составными частями суждения.

Правильное истолкование природы суждения может быть дано только тогда, когда суждение будет рассматриваться как отражение действительности, существующей вне и независимо от суждения.

²² См., напр., В. Виндельбанд. Прелюдии, СПб., 1904, статья «Система категорий»; Г. Риккерт. Введение в трансцендентальную философию. Киев, 1904.

При этом следует подчеркнуть суждения как отражение предполагает признание сущности в качестве предметов суждения нечто утверждается или отрицается.

Правда, в действительно идеальные явления, но также и эмоции, мысли, представления.

Эти идеальные явления и выступают в процессе познания. Однако идеальные явления вторичными, производными только в качестве отображения.

«...Отображение, — говорить без отображаемого независимо от отображающего».

Далее, если суждение есть это значит, что, утверждая сущности, мы отображаем в суждении, мы отображаем в суждении от и т. д. в предмете суждения также, отрицая что-либо о отображаемом в суждении от и т. д. в предмете суждения.

Таково правильное, материальное истолкование суждения как утверждения или отрицания.

Важнейшей особенностью его от всевозможных идеалистических суждений, является признание суждений в качестве предметных.

Идеалисты всех мастей идеальных явлений в качестве только само суждение, но и явление.

При этом одни идеалисты отрицают существование материальных предметов (например, Кант) признают, что материальные явления могут быть предметами суждения.

Отмечая это обстоятельство, которые идеалисты признают отношением к предмету суждения, становятся идеалистами, по ним есть также не материальное.

²³ В. И. Ленин. Соч., т. 14.

т нас, а также и не простые
гал, например, Беркли.
действительности — это ре-
ных рассудком. Этот синтез
суждения.

авления (или «отвлеченные
ием (в качестве которого
иорные категории), тем са-
т» или «предмет опыта».
в суждении, есть, следова-
рждается в отношении этих
отношение (т. е. априорная

го истолкования природы
суждение у кантианцев ока-
образованием. То, о чем
утверждается,— одинаково

материальные предметы, или
цев, не могут быть предме-
знаваемы.

ю-идеалистическое истолко-
еокантианцы²².

га выражается лишь в том,
изнания существования ма-
бы и в виде непознаваемых

ия как отражения ности

оды суждения как утверж-
чем-либо невозможно дать,
мотрением только языковой

ать правильного истолкова-
да ограничимся одним лишь
ями, являющимися состав-

оды суждения может быть
будет рассматриваться как
твующей вне и независимо

Прелюдии, СПб., 1904, статья
ведение в трансцендентальную

При этом следует подчеркнуть, что правильное истолкова-
ние суждения как отражения действительности необходимо
предполагает признание существования материальных явлений
в качестве предметов суждения, т. е. в качестве того, о чем
нечто утверждает или отрицается в суждении.

Правда, в действительности существуют не только матери-
альные явления, но также и идеальные явления (т. е. чувства,
эмоции, мысли, представления и т. п.).

Эти идеальные явления также, конечно, могут выступать
и выступают в процессе познания в качестве предметов суж-
дения. Однако идеальные явления по своей природе являются
вторичными, производными образованиями. Они существуют
только в качестве отображений материальных явлений.

«...Отображение,— говорит В. И. Ленин,— не может суще-
ствовать без отображаемого, но отображаемое существует
независимо от отображающего»²³.

Далее, если суждение есть отражение действительности, то
это значит, что, утверждая что-либо о предметах действитель-
ности, мы отображаем в суждении наличие каких-либо черт,
сторон, качеств и т. д. в предмете суждения. Соответственно
также, отрицая что-либо о предметах действительности, мы
отображаем в суждении отсутствие каких-либо черт, сторон
и т. д. в предмете суждения.

Таково правильное, материалистическое истолкование суж-
дения как утверждения или отрицания чего-либо о чем-либо.

Важнейшей особенностью этого истолкования, отличающей
его от всевозможных идеалистических истолкований природы
суждения, является признание существования материальных
явлений в качестве предметов суждения.

Идеалисты всех мастей отрицают существование матери-
альных явлений в качестве предметов суждения. Для них не
только само суждение, но и предмет суждения есть идеальное
явление.

При этом одни идеалисты (например, Гегель) вообще отри-
цают существование материальных явлений. Другие идеали-
сты (например, Кант) признают их существование, но утвер-
ждают, что материальные явления непознаваемы и поэтому не
могут быть предметами суждения.

Отмечая это обстоятельство, следует иметь в виду, что не-
которые идеалисты признают вторичный характер суждения по
отношению к предмету суждения. Однако от этого они не пере-
стают быть идеалистами, поскольку сам предмет суждения для
них есть также не материальное, а идеальное явление.

²³ В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 57.

Примером этой последней точки зрения на суждение может служить теория суждения английского позитивиста Дж. Ст. Милля.

В своей книге «Система логики силлогистической и индуктивной» Милль резко выступил против понимания суждения как установления связи или отношения между представлениями или понятиями.

По мнению Милля, такое понимание суждения является «одним из наиболее роковых заблуждений, вкрадывавшихся когда-либо в философскую часть логики...»²⁴.

На самом деле, пишет Милль, «предложения (кроме, конечно, тех случаев, когда в них утверждается что-либо о самом духе) утверждают что бы то ни было не относительно наших идей о вещах, но относительно самих вещей... Когда я утверждаю что бы то ни было относительно идей,— продолжает Милль,— я так их и обозначаю: я называю их идеями; я говорю, наприм., что идея сражения у ребенка не похожа на действительность...»²⁵.

Приведенные высказывания Милля могут ввести в заблуждение читателя и внушить ему ложную мысль о том, что Милль в своей логике стоит на материалистических позициях. Однако этот мираж тотчас же рассеется, как только мы уясним себе, что Милль подразумевает под теми предметами действительности, о которых идет речь в суждении. Оказывается для Милля, так же как и для Юма, предметы суждения (и вообще предметы познания) существуют лишь в форме наших собственных ощущений и никакой другой реальности, помимо реальности наших ощущений, мы в опыте, по их мнению, не находим и не можем найти.

Наличие «доверия к внешнему миру» у всех людей, по мнению Милля, еще не доказывает, что за нашими ощущениями должна быть какая-либо реальность, существующая независимо от нашего сознания. Существование такой реальности, как источника наших ощущений, может быть установлено, по Миллю, только в результате «умственного вывода». Причем все, что мы можем утверждать об этой реальности, ограничивается одним фактом признания ее существования. Ее сущность недоступна для наших способностей²⁶. Такие слова, как «вещество», «материя» и т. п., употребляемые для обозначения неизвестного источника наших ощущений, имеют положительное значение только тогда, когда мы под ними

²⁴ Дж. Ст. Милль. Система логики. М., 1914, стр. 77.

²⁵ Там же.

²⁶ См. Дж. Ст. Милль. Обзор философии Гамильтона. СПб., 1869, стр. 8.

понимаем не что иное, ощущений».

Таким образом, в понимании Милля выступает, как типичный лист, воззрения которого, ничем существенным не отличающегося от материализма, «Скажем ли мы, что материализм ощущений (по Дж. Ст. Миллю) или менее устойчивые коммунизма (по Э. Маху),— мы оставили юмизма...»²⁷.

Как видно на примере предметного характера суждения правильного материалистического суждения.

Идеалисты могут, подобно материализму, утверждать или отрицать действительности, истолковывая как «явление в нас», а материализм как «явление независимо от нас».

Правильное истолкование суждения отрицания чего-либо о чем-либо. 1) признание материальных суждений; 2) признание тождества предметов суждения идеалистического суждения, которые существуют в действительности в качестве отображений материи.

Кто отрицает существование производный характер идеалистических позиций, и признавать предметный характер суждения.

§ 2. ИСТИННОСТЬ И КРИТИЦИЗМ

А. Истинность

Из отрицания идеалистического суждения предметов или их познаваемости идеалистическое истолкование суждения.

Если мы признаем, что суждения существуют в действительности, но непознаваемы, то в этом случае, что истинность суждения.

²⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 14,

ки зрения на суждение может
английского позитивиста Дж.

ки силлогистической и индук-
против понимания суждения
суждения между представления-

онимание суждения является
аблуждений, вкрадывавшихся
логики...»²⁴.

ь, «предложения (кроме, ко-
тверждается что-либо о самом
было не относительно наших
самых вещей... Когда я
относительно идей,— продол-
ачаю: я называю их идеями;
суждения у ребенка не похожа

Милля могут ввести в заблуж-
ложную мысль о том, что
материалистических позициях.
ассеется, как только мы уяс-
нет под теми предметами дей-
ечь в суждении. Оказывается
Юма, предметы суждения
существуют лишь в форме
никакой другой реальности,
ений, мы в опыте, по их мне-
йти.

миру» у всех людей, по мне-
что за нашими ощущениями
сть, существующая независи-
зование такой реальности, как
ет быть установлено, по Мил-
нного вывода». Причем все,
ей реальности, ограничивается
уществования. Ее сущность
способностей²⁶. Такие слова,
., употребляемые для обозна-
наших ощущений, имеют
тогда, когда мы под ними

си. М., 1914, стр. 77.

илософии Гамильтона. СПб., 1869,

понимаем не что иное, как «постоянную возможность
ощущений».

Таким образом, в понимании природы предметов суждения
Милль выступает, как типичный агностик и субъективный идеа-
лист, воззрения которого, по характеристике В. И. Ленина,
ничем существенным не отличаются от философии Юма.
«Скажем ли мы, что материя есть постоянная возможность
ощущений (по Дж. Ст. Миллю) или что материя есть более
или менее устойчивые комплексы «элементов» — ощущений
(по Э. Маху), — мы остались в пределах агностицизма или
юмизма...»²⁷.

Как видно на примере Милля, одного только признания
предметного характера суждения далеко не достаточно для
правильного материалистического понимания природы сужде-
ния.

Идеалисты могут, подобно Миллю, признавать, что сужде-
ние есть утверждение или отрицание чего-либо о предметах
действительности, истолковывая «предметы действительности»
как «явление в нас», а материальную действительность, суще-
ствующую независимо от нас, объявляя непознаваемой.

Правильное истолкование суждения как утверждения или
отрицания чего-либо о чем-либо необходимо предполагает:
1) признание материальных предметов в качестве предметов
суждения; 2) признание того, что выступающие в качестве
предметов суждения идеальные предметы суть производные
явления, которые существуют в действительности только в ка-
честве отображений материальных предметов.

Кто отрицает существование материальных предметов и
производный характер идеальных предметов, тот остается на
идеалистических позициях, даже и в том случае, если он будет
признавать предметный характер суждения.

§ 2. ИСТИННОСТЬ И КРИТЕРИИ ИСТИННОСТИ СУЖДЕНИЯ

А. Истинность суждения

Из отрицания идеалистами существования материальных
предметов или их познаваемости вытекает и соответствующее
идеалистическое истолкование истинности суждения.

Если мы признаем, что материальные предметы не суще-
ствуют в действительности или что они, хотя и существуют,
но непознаваемы, то в этом случае, разумеется, нельзя утверж-
дать, что истинность суждения заключается в адекватном ото-

²⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 96.